

О БЕССМЫСЛЕННЫХ МЕЧТАНИЯХ.

17 января 1895 г. только что усевшийся на прародительском троне молодой человек сказал речь, удивившую мир и смутившую «верноподданных» земцев. Едва оперившийся птенец, свободный от наук, кроме разве «науки страсти нежной», он поучал поседельх в житейских передрыгах «излюбленных людей» трезвому реализму, тщете утопий. «Бессмысленные мечтания!» — крикнул он молчавшей толпе запуганных людей. Зрелище было странное, дикое и в высокой мере неприличное. Но — увы! устами младенцев говорит иногда сама истина: молодой человек был прав и бессознательно нащупал больное место нашей общественности.

Либерального толка русский обыватель любит помечтать, вожделеет конституции и даже готов — при закрытых дверях и спущенных шторах — промежду себя и присных себе «пуцать революцию».

Наступит пора — Россия станет свободна. Но как, каким образом, чьими усилиями — темно и неведомо. Побьют ли нас немцы, и мы, как после крымского погрома, очутимся у порога «великих реформ», голод ли дезорганизует правительство, революционеры ли заставят «предерживающую власть» пойти на уступки, сама ли эта власть внезапно подобрет — кто его знает? Наш либеральный фантазер, строя химеры и уповая на «глад, трус, потоп и нашествие иноплеменных», крепко помнит одно, что он, обыватель, Иван Петрович, — сторонний зритель, а никак не участник событий; он не прочь покрасоваться в заключительном апофеозе, но не намерен быть действующим лицом тяжелой исторической драмы. Слов нет: плод политической «выучки» сладок, зато корень «учения» горек, а участок — так близок!.. Фантазия обывателя растет — стремительно и неудержимо: чем меньше «поступков», тем больше возможности отдалиться «чарованью красных вымыслов». С напряженным вниманием следит он за дуновением сверху, за интригами двора и чиновными перемещениями. В своем уме он раскладывает гранпасьянс из общеизвестных бюрократических фигур: вот уйдет один, умрет другой, попадет в министры третий и — игра выиграна, гранпасьянс удался. При всяком удобном и неудобном случае прежде, как и теперь, в эпоху «диктатуры сердца» шесть с половиною лет тому назад, как и в настоящие бурные дни, его «бессмысленно мечтательный» взор обращен к вершине российского здания — один милостивый кивок оттуда с высоты, и он готов забыть поругание и предать своих лучших сынов. Когда-то библейский Исав за чечевичную похлебку отдал право своего первородства. Поступок был скверный, но похлебка вкусная, и съел он ее без остатка. Современные

Исавы продают свою честь и выдают своих ближних за один лишь запах похлебки. Ее еще нет, реальной, подлинной похлебки, но где-то как будто ею запахло... и обыватель растаял. Его били и бьют, в три погибели гнут, — ему все ничем и все еще мало! Стоило раздаться словам «высочайшего рескрипта» от 25 марта о внесении «в дело воспитания русского юношества», «умудренного опытом разума и сердечного о нем попечения», чтобы обывательское сердце взыграло, а уста его трубадуров стали извергать иудушкино пустословие.

Дело школьной и университетской реформы в надежных руках — сподвижник царя-миротворца принадлежит нам по праву, — говорят «охранители»: сиятельный князь-«Гражданин» и московское отродье Каткова.

Нет, нет! — вопит обыватель в свой газетный рупор, — генерал наш! «опасения напрасны!» — Ни один из министров еще «не ставил так высоко общественного и государственного значения университетов», побольше доверия генералу, и успех венчает дело. «С высоты трона раздался призыв к участию в жизни школы, семьи и общества», и «печать, как голос общественной мысли, не может попрежнему оставаться безмолвным свидетелем событий, пассивным зрителем чужих ошибок, заблуждений и недоразумений». А потому: скорее на помощь к молодежи, ей надо освободиться от влияния «крайних и непримиримо настроенных деятелей», которые «благожелательную заботу правительства о молодежи» толкуют «как победу молодежи над правительством». Пусть студенты не упорствуют, а идут на экзамены, они «могут быть совершенно спокойны за участь своих сотоварищей, которых пока еще не видят среди себя»*. Пусть будут они только пайники, на старших глядя, — ведь старшие так много достигли своим примерным поведением!

Цитированные нами «благонамеренные речи» принадлежат органу гг. Сазонова, Леонида Оболенского и иных достославных мужей, органу, недавно возведенному редакционной прессой в чин «лидера русского либерализма». Мы не слишком высокого мнения о русском либерализме и о его политической зрелости, но мы все же не хотим взвалить на него всю ответственность за продвиги доблестных «россиян». Конечно, не будь цензурных «усековений», теплой компании отставных нововременцев и «народников министерства внутр. дел», компании, расцветшей под благословением мамонтовских капиталов, не занимать бы того места в нашей печати, которое она занимает в настоящее время. Конечно, «Россия» и теперь является не «лидером», а просто от-

* См. «Россия» от 8 апреля и 5 мая, статьи «Перед дверьми университетов» и «Напрасные опасения».

голосом, «эховой» газетой. Но для многоголовой гидры, именуемой обывателем, для широких слоев читателя, еще только начинающего с азов и, однако, затронутого уже «свободомыслием», быть может, не найдется лучшего выразителя его настроений, чем это взбунтовавшееся чело суворинского заведения. Уже одно появление его — два года тому назад — на горизонте нашей ежедневной печати знаменовало собою нечто, не лишенное общественной важности; оно было симптомом подвинувшегося разложения нововременских и прочих устоев, чутким барометром, указующим на «переменно» в головах обывательской массы: от ходового газетного товара потребовалось клеймо принадлежности к цеху свободомыслия. Обладая нововременскими талантами, «Россия» быстро вошла в моду и стала одним из патентованных органов русского обывателя.

«Россия» бессмысленно мечтает. Но «мечтания» «мечтаниям» рознь. Одно дело — читатель-простец, а другое — писатель-лукавец. Одно дело — не разбирающийся в политической грамоте Иван Петрович, ищущий избавления от «египетских казней» самодержавия во всех стихиях земных и небесных, а другое — сложившийся общественный деятель, выкидывающий на своем знамени «бессмысленные мечтания», в которые он и сам не верит. Да, лукавец не верит или верит только наполовину в добрую волю заправил России. Он лицемерит и лжет, потому что лицемерие и ложь увольняют его от борьбы и упрочивают его положение. Лицемерие и ложь возводит он в систему и бестрепетной рукой сеет разврат в среду простеца.

Бедный князь-«Гражданин» сильно обеспокоен либеральными аллюрами «России» — ему мерещится призрак покойного «Голоса», и он бьет тревогу. Успокойтесь, сиятельный князь, и вложите свой меч в ножны. Вы

сердитесь только потому, что вы все еще старый романтик и действуете нахрапом там, где требуется «деликатное обращение». Взгляните на тех, кто стоят у руля и верховодят в России: они трезвее, реалистичнее вас и знают цену обывательской прессе. Бывают моменты, когда кнут устал бить, истрепалась нагайка, когда требуется слегка погладить побитого, — конечно, не давая ему серьезного удовлетворения, — и отвлечь его внимание. Тогда те, кому ведать сие надлежит, обращаются не к вам, сиятельный князь, и не к вашему московскому собрату, а к той части нашей ежедневной печати, у которой имеется доступ к сердцам обывателей. Тогда приводится в действие нововременская или иная машинка, тогда кличется клич добровольцам — газетных дел мастерам, и открывается предохранительный клапан — громоотвод «бессмысленных мечтаний». Потому что надо же понять, наконец, что делу консерватизма «бессмысленные мечтания» оказывают бесконечно большие услуги, чем все эти княжеские речи.

Бессмысленно мечтающий обыватель не умеет и — главное — не желает бороться; он вечно гоняется за «блуждающим огоньком» надежды и всего больше боится его потерять. Ах, только бы не упустить, ах, только бы кто не помешал, и особенно эти — «крайние и непримиримо настроенные» элементы: суют свой нос и непременно испортят все дело. И наш «мечтатель» начинает не на шутку сердиться на тех, кто на собственном загорбке испытал всю боль и тягость «прогресса».

Что за беда, что сотни и тысячи борцов за свободу томятся по тюрьмам и идут в изгнание; что за беда, что виновник мартовской бойни Клейгельс совершает разбойничьи набеги на литературу и в отместку за воподданнейшие петиции и коллективные протесты рыщет по редакционным кабинетам; что за беда, что отбываю-

НОВОЕ ВИНО В СТАРЫХ МЕХАХ¹.

В первом номере газеты социалистов-революционеров «Революционная Россия» мы прочитали, между прочим, заметку: «Обзор революционных изданий», в которой говорится, что в русской революционной мысли совершается теперь «предсказанный» издателями «Рев. России» «поворот в сторону принципов эпохи Народной Воли»*. Хотя в эпоху «Народной Воли» различные общественные партии придерживались различных принципов, но мы поняли указанное замечание в том смысле, что русская революционная мысль направляется теперь в сторону так называемого народо-вольства. Нас очень удивило и, по правде сказать, не мало обеспокоило это замечание. С одной стороны, никаких признаков поворота (точнее было бы сказать: возврата) революционной мысли к принципам народо-вольства мы не замечали, а, с другой стороны, «Р. Р.» говорит об этом, предсказанном ею, повороте с такою непоколебимою уверенностью, что у нас возникло сомнение. Неужели же мы слона — то и не заметили? Неужели мы проглядели такое важное общественное явление? Чтобы ответить себе на эти тревожные вопросы, мы с удвоенным вниманием стали следить за русской революционной

литературой. При этом нас больше всего интересовали издания тех людей, которые не только не проглядели вышеупомянутого поворота, но даже и предсказали его. Так, мы очень обрадовались, когда нам доставили «Манифест Партии Социалистов-Революционеров», выработанный на съезде представителей объединенных групп этой партии. Мы были уверены, что именно и особенно здесь станет заметным для нас поворот, предсказанный издателями «Р. Р.» Мы прочитали «Манифест» и... обманулись в своих ожиданиях. В нем нет и следа, нет и тени «предсказанного» поворота. Совершенно напротив! Он представляет собою самое ясное и самое яркое свидетельство в пользу того, — давно уже кажущегося нам бесспорным, — положения, что русская революционная мысль все больше и больше направляется в сторону принципов русской социал-демократии. Мысль авторов «Манифеста» вплотную подошла к этим принципам. Удивительно тут только то, что ни издатели «Рев. России», ни авторы «Манифеста» этого как будто совсем не замечают.

Партия «Народной Воли» была, как известно, «партией» заговорщиков. В этом легко убедится всякий толковый человек, внимательно прочитав записку: «Подготовительная работа партии», напечатанную в «Календаре Народной Воли». В этой записке мы читаем, что партия должна подготовляться к восстанию, которое, по всей вероятности, будет облегчено сочетанием благоприятных для революционеров обстоятельств: народным бунтом,

* Курсив наш.

щие солдатчину студенты не выносят позорной неволи и кончают жизнь, спуская курок револьвера; что за беда, что льется кровь рабочего человека и с юга несетя запретный, заглушаемый стон голодного крестьянина; что за беда, что реакция идет полным ходом, сметая остатки нашего призрачного самоуправления и налагая узду за уздой на просвещение народа. Он будет все же мечтать и паки мечтать, наш политический Митрофан, наш жалкий обыватель Манилов. Пусть гибнут ряды за рядами истинных граждан России — он будет пассивно глазеть, того не разумея, что политические права не даруются народу, а берутся им с бою, вырываются зубами, и что каждый шаг по пути к освобождению России оплачивается человеческими жертвами.

[А. Потресов]

НОВОЕ ПОБОИЩЕ.

Повидимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы, так ободряют и радуют социалистов. Да, нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу. Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. Тысячи и десятки тысяч людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок

неудачной войной, государственным банкротством и т. п. Эти соображения, разумеется, еще не заключают в себе ничего такого, что давало бы нам право назвать народолюбцев заговорщиками раг excellence (по преимуществу). Но дальше в той же записке идут строки, ставящие очень большую точку над очень выпуклым i. Именно, там сказано вот что:

«Каждым из таких благоприятных стечений обстоятельств партия должна своевременно воспользоваться, но при своей подготовительной работе она не должна на них возлагать всех своих надежд. Партия обязана исполнить свои задачи во что бы то ни стало, а потому свою подготовку должна вести так, чтобы не оказаться ниже роли даже при самых худших, самых трудных условиях.

«Такие наиболее неблагоприятные условия представляются именно в том случае, если партии придется самой начинать восстание, а не присоединиться к народному движению, и если притом нет вдобавок никаких экстраординарных благоприятных случайностей, облегчающих первое нападение. К такому-то положению вещей мы и должны быть приготовлены. Партия должна иметь силы создать сама себе благоприятный момент действия, начать дело и довести его до конца. Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действий и в то же время возбуждает народные массы, т. е. создает удобный момент для нападения. Пользуясь этим моментом, заранее собранные боевые силы начинают вос-

и от постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха. И стократно заслуживает названия героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотим сказать, что рукопашная с полицией есть лучшая форма борьбы. Напротив, мы всегда указывали рабочим, что в их же интересах сделать борьбу более спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революционной партии. Но главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках. Эти вспышки пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои подавленных нуждой и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы. И вот почему известно о таком побоище, какое было, напр., 7 мая на Обуховском заводе, заставляет нас воскликнуть: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!»

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочие восстания являлись редким исключением, вызывались только какими-нибудь особыми условиями. Теперь не то. Несколько лет тому назад мы переживали период процветания промышленности, когда торговые дела шли бойко, спрос на рабочих был большой. И тем не менее рабочие устраивали ряд стачек, добиваясь лучших условий труда: рабочие поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тем вре-

стание и пытаются овладеть главнейшими правительственными учреждениями. Такое нападение легко может увенчаться успехом, если партия обеспечит себе возможность двинуть на помощь первым застрельщикам сколько-нибудь значительные массы рабочих и проч. Для успеха точно так же необходимо подготовить себе положение в провинциях, достаточно прочное для того, чтобы или поднять их при первом известии о перевороте, или хотя удержать в нейтралитете. Точно так же следует заранее обезопасить восстание от помощи правительству со стороны европейских держав и т. д. и т. д. Вообще подготовительная работа партии должна выполнить все, что необходимо для успеха восстания, начатого партией даже без всяких экстраординарных благоприятных условий, т. е. при таком приблизительном положении, в каком находится Россия в настоящее время».

Все это по-своему очень хорошо, умно и последовательно. Но всякий видит, что это совершенно заговорщицкая программа действий, и если бы в русской революционной мысли действительно совершился поворот, «предсказанный» и приветствуемый органом соц.-революционеров, то соц.-революционеры тоже предложили бы нам программу действий, с большим или меньшим искусством приспособленную к заговору. Но их манифест предлагает нечто совсем другое. Он выдвигает на первое место агитационную деятельность в фабрично-заводской рабочей среде и следующим образом определяет задачи этой деятельности:

менем, когда прибыли фабрикантов особенно высоки и их легче принудить к уступкам. Но вот процветание сменилось кризисом: товары не идут с рук у фабрикантов, прибыли их уменьшаются, увеличивается число банкротств, фабрики сокращают производство, распускают рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба. Рабочим приходится отчаянно бороться уже не за улучшение своего положения, а за сохранение старого, за уменьшение тех потерь, которые взваливает на них фабрикант. Таким образом, рабочее движение углубляется и расширяется: сначала борьба в исключительных отдельных случаях, потом упорная и непрерывная борьба во время оживления промышленных дел и бойкого хода торговли, наконец — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях.

Но смена промышленного оживления кризисом научит рабочих не только тому, что объединенная борьба стала для них постоянной необходимостью. Эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться в период процветания промышленности. Кое-где рабочим сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяев уступки посредством стачек, и значение этой «экономической» борьбы стали преувеличивать, стали забывать о том, что профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам удается в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждают массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безра-

ботицу. Чтобы изменить эти условия, необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем, и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины.

Вернемся к побоищу 7 мая. Мы приводим ниже имеющиеся у нас сведения о майских стачках и волнениях рабочих Петербурга. Здесь же разберем полицейское сообщение о побоище 7 мая. В последнее время мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения.

«7 сего мая, — гласит официальное сообщение, — после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 раб. разных отделений завода прекратили работу и, при объяснении с помощником начальника завода подполковником Ивановым, предъявили разные неосновательные требования».

Если рабочие прекратили работу без предупреждения за две недели — допустив, что прекращение работ не было вызвано беззакониями со стороны хозяев, как это случается очень не редко, — то это даже по русскому законодательству (которое в последнее время систематически дополнялось и усиливалось против рабочих) составляет простой полицейский проступок, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадает в смешное положение со своими строгостями: с одной стороны, издаются законы, устанавливающие новые преступления (напр., самовольный отказ от работы или участие в скопище, повреждающем чужое

«Социалистическая партия должна взять на себя руководящую роль, объединяя отдельные вспышки и чисто стихийные проявления народного недовольства в одно стройное целое; она должна воспользоваться этой борьбой в целях агитационных, подчеркивая и формулируя выводы, которые подсказываются самим ходом событий, и постоянно раздвигать ее рамки новыми требованиями политического и правового характера».

Это как раз та политическая агитация, на необходимость которой так часто указывали русские социал-демократические писатели * и которой русские социал-демократы занимались — теперь это можно сказать, не боясь преувеличения — с очень заметным успехом. Такая деятельность безусловно необходима, и мы чрезвычайно рады тому, что соц.-революционеры «поворачивают» в ее сторону.

«Мы убеждены, — так резюмируют свою мысль авторы «Манифеста», — что руководимые партией демонстрации, протесты, стачки и целый ряд других проявлений коллективного недовольства существующими общественными отношениями, постепенно усиливаясь и захватывая все более и более широкие массы народа, расшатывают полицейско-бюрократическое государство и приведут его к полному падению».

Если такое убеждение есть признак «поворота в сторону принципов эпохи «Народной Воли», то несомненно,

* О ней см., напр., в брошюре Г. Плеханова. «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», Женева, 1892.

что этот поворот был сделан еще социал-демократической группой «Освобождение Труда», которая с самого возникновения своего, в 1883 г., не переставала доказывать, что лишь все более и более расширяющееся движение народной массы может положить конец существованию русского абсолютизма. Народовольцы обвиняли группу «Освобождение Труда» в том, что ее пропаганда шла в разрез с принципами «Народной Воли.» Социал-революционеры думают, как видно, что это обвинение было совершенно неосновательно.

«В странах деспотических, — говорит «Манифест», — по самому ходу вещей социалистические группы должны стремиться к тайной и строго конспиративной организации ядра партии, ограниченного по своему составу и численности».

Это справедливо, но и в этом нет никакого «поворота в сторону эпохи „Народной Воли.“». Необходимость «тайной и строго конспиративной организации ядра партии» сознавалась русскими революционерами уже в то время, когда никто еще не думал о «принципах „Народной Воли.“». Чтобы не заходить слишком далеко, укажем на «тайную», «строго конспиративную» и централистическую организацию «Земля и Воля» семидесятых годов. Что же касается русских соц.-демократов, то надо сказать правду, многие из них до сих пор не вполне сознали, до какой степени полезна подобная организация. В этом состоит

имущество или насильственно противодействующем вооруженной силе), повышается наказание за стачки и пр., с другой стороны — теряется и физическая и политическая возможность применять эти законы и налагать законосообразные наказания. Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за «скопище» тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно, — «суда» не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить политическую борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время прикрыть ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке» и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план прямой политической борьбой, открытой уличной схваткой. «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам, которых угощают камнями.

Вспомните, в самом деле, эту ссылку правительства на «требования» рабочих. С точки зрения закона, прекращение работы есть проступок независимо от того, какие были требования рабочих. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самого закона, который оно так недавно издало, и расправу «своими средствами» оно старается оправдать, заявляя, что требования рабочих были неосновательны. А кто был судьей в этом вопросе? Подполковник Иванов, помощник начальника завода, т. е. то самое начальство, на которое рабочие и жаловались! Не-

слабая сторона русской социал-демократии, мешающая ей играть ту влиятельную роль в общественной жизни, которая принадлежит ей по праву. Горький опыт каждый день и каждый час указывает нам на необходимость полного и решительного устранения этой коренной причины нашей относительной слабости. И мы, конечно, сумеем разделаться с нею. Но когда мы разделаемся с нею, то очень ошибутся те, которые вообразят, что мы поворачиваем «в сторону принципов эпохи „Народной Воли“»: тайная, строго конспиративная и централистическая организации необходима для всякой революционной партии, энергично борющейся при современных русских условиях; она не может быть названа отличительной особенностью какой-нибудь из этих партий.

Пойдем дальше. «Манифест» говорит:

«Мы убеждены, что без сочувствия и поддержки (со стороны) крестьянства класс фабрично-заводских и вообще промышленных рабочих не в состоянии сломить силу русского правительства и добиться хотя бы одной только политической свободы, не говоря уже об экономическом преобразовании общества*». И мы

* Мы думаем, что даже в промышленных центрах социалистическое движение может и должно охватить не одних только «промышленных рабочих», но вообще весь пролетариат, все трудящееся и эксплуатируемое население этих центров. Поэтому мы считаем, что неправильно выражаются те, которые говорят об одних промышленных рабочих: они придают этим сравнительно узкое выражение очень широкой мысли.

удивительно, что на такие объяснения власть имущих рабочие отвечают камнями!

И вот, когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось дважды отбить нападение полиции, жандармов, конной стражи и вооруженной команды завода* — и это, несмотря на то, что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы, — если верить полицейскому сообщению, — но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели «градом», при чем рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, умение сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибузуков камнями из-за заборов, так что даже после трех залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты Омского пехотного полка должны были «очищать от рабочих» соседние дворы².

Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать

* Кстати. Правительственное сообщение заявляет, что «вооруженная команда завода» «находилась уже наготове во дворе завода», тогда как жандармы, конная стража и городовые были вызваны лишь впоследствии. С какого же времени и почему держали наготове во дворе завода вооруженную команду? Не с первого ли мая? Не ожидали ли рабочей демонстрации? Этого мы не знаем, но несомненно, что правительство умышленно скрывает имеющиеся у него фактические данные о том, чем вызывалось и как росло недовольство и возбуждение рабочих.

должны признать, что революционная деятельность среди крестьянства вполне возможна в настоящее время, так как внутри этого сословия уже образовались многочисленные группы, в такой же степени заинтересованные в уничтожении существующего экономического и политического строя, как и промышленный пролетариат».

В эпоху «господства принципов „Народной Воли“» революционеры рассуждали совершенно иначе.

«Привлечение в организацию отдельных лиц из крестьянства, способных к ней примкнуть, конечно, всегда признавалось желательным, — говорит записка о «подготовительной работе (народовольческой) партии»... — Но что касается организации в настоящее время в массе крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы (партии «Народной Воли») совершенной фантазией, и, если мы не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов».

Неужели авторы «Манифеста» не видят, что и здесь они «поворачивают» от народовольческих принципов, а не «в сторону» их?

Но соц.-революционеры не «поворачивают» также и «в сторону» народников семидесятых годов. Они очень далеки от мысли о сосредоточии всех революционных сил в деревне.

«Как ни важна и необходима революционная деятельность в деревне, — говорят они, — мы в настоя-

число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков. По какому плану должны стараться действовать вожаки,—об этом нам уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крепкой революционной организации мы уже не раз указывали. Но по поводу таких событий, как 7 мая, надо также не упускать из виду следующее.

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7 мая не имели ничего, кроме камней,—и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием. Рабочие были неподготовлены, и их было только 3½ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городских и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм одного дома ном. 63 по Шлиссельбургскому тракту! Подумайте, легко ли будет «очистить от рабочих» не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, «очищать» столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4 марта, кто не примирился

с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы?

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7 мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!

[Л. Мартов]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Ярославль. XX век внес какую-то живительную струю в серую и спокойную жизнь города Ярославля. Обыватель заволновался непривычным для него страхом перед совершающимися событиями, ожили местные разночинцы, а полиция, дотоле мирно почивавшая на казенных квартирах, вдруг проснулась и стала спешно затыкать щели, образовавшиеся в прочном здании обывательской приниженности.

В начале января 1901 г. произошло жаркое сражение между губернатором и разночинцами, окончившееся для последних победой с потерей двух людей «убитыми». Поводом к объявлению войны со стороны губернатора послужило следующее обстоятельство. Местный губернатор Штюмер, бывший председатель тверской управы по назначению, сыпавший в то время направо и налево либеральные мысли и слова, не освободился еще и теперь от своей симпатии к просвещению, но он любит быть первым во всех просветительных начинаниях, чтобы ничего в этой области не делалось помимо его воли, и раз кто-нибудь становится ему на пути, он мстит и мстит самым низким способом. Дело об учреждении в Ярославле общества учащих и учивших покажет читателю те способы, к которым не стыдится прибегать г. Штюмер. Как и везде, он и в этом случае не преминул выразить свои симпатии новому обществу и пожелал провести в члены

щее время, по чисто тактическим соображениям, будем стремиться концентрировать свои наличные силы в городах,—главным образом, в виду большей культурности городского рабочего населения сравнительно с сельским и большей продуктивности работы в этой среде».

Это очень похоже на выработанный гр. «Освобод. Труда» проект программы русских социал-демократов, где выставляется ряд требований должествующих проложить «широкий путь для сближения рабочей партии с земледельческим населением», но где указывается в то же время, что работа революционеров «должна быть прежде всего направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие».

Вообще взгляд соц.-революционеров на революционную деятельность почти до мелочей совпадает со взглядом группы «Освобождение Труда». Так, напр., «Манифест» говорит:

«Что же касается самого контингента лиц, которые могли бы вести пропаганду и агитацию в деревне, то таковыми мы считаем, с одной стороны, известную часть интеллигенции, по условиям своей частной жизни вынужденную постоянно жить в деревне, а также тех промышленных рабочих, которые переходят из городов на фабрики и заводы, расположенные в сельских местностях, или же, живя постоянно в городе и сохраняя в то же время связь с деревней, более или менее часто посещают последнюю».

Проект программы, предложенный гр. «Осв. Труда», высказывает надежду, что

«выброшенный из деревни в качестве обнищавшего члена общины, пролетарий при подходящих обстоятельствах вернется в нее социал-демократическим агитатором».

А о лицах, по условиям своей частной жизни вынужденных постоянно жить в деревне, проект говорит:

«Само собою разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности».

Соц.-революционеры говорят в своем «Манифесте», что хотя буржуазия и враждебна им по самой сущности своих интересов, но нельзя, однако, отрицать того факта, что вопрос о политической свободе составляет ту общую почву, на которой социалистическая партия сходится с передовой частью «третьего сословия». Это так же верно, как почти все, что говорят они. Но и здесь они высказываются не как народолюбцы, а как социал-демократы.

Чтобы убедиться в этом, пусть они прочтут посвященные тактическим вопросам брошюры П. Аксельрода

правления своих кандидатов, но местная публика (разночинцы тож) сплотилась и провела своих кандидатов. Конечно, губернатору была не по вкусу такая вольность разночинцев, и он начинает мстить. Через несколько дней после выборов двум служащим в земстве, статистику Садикову и секретарю школьной комиссии Минаеву, было предложено оставить службу без объяснения причин. При объяснении с председателем управы (он служит по назначению и представляет из себя типичного труса-чиновника, готового на всякую подлость в угоду властям) выяснилось, что причиной такой немилости является тот факт, что эти лица были выбраны в члены названного общества и что будто бы они допускали на выборах незаконную агитацию. Минаева уволили немедленно, как человека, против которого губернатор уже давно точил зубы. Садикову же было предложено выбрать одно из двух: либо отказаться от должности члена правления и остаться на службе, или же убраться из бюро. Губернатор, видимо, сознавал незаконность своего поступка и потому официально не выставил никаких мотивов для увольнения: он «повлиял» на председателя, а председатель «рад стараться». И вот получается любопытное письмо от председателя управы, без подписи, где Садикову предлагается отказаться от должности члена правления, и тогда-де его можно оставить в бюро. Садиков отказался, и его уволили. Характерно, что и теперь, когда Садиков уже больше не служит, ему все еще предлагается войти в позорную сделку. После этой истории председатель управы, всегда готовый к услугам губернатора, в своем желании услужить перешел всякие границы. В одном доме он серьезно говорил, что думает вывесить в управе объявление, чтобы служащие управы не принимали никакого участия в разных обществах и комиссиях, и только когда ему указали, что этим он ставит все разрешенные общества в положение незаконных, тогда он отказался от своего «благородного» намерения.

* * *

Учителя и попы в роли жандармов. На стороне полиции, о подвигах которой мы уже писали, оказались наши педагоги, во главе с директором гимназии,

и сопоставят защищаемый в них взгляд на борьбу за политическую свободу со взглядом, высказанным в статье «Чего нам ждать от революции?», напечатанной во второй книжке «Вестника Народной Воли».

Правда, в «Манифесте» соц.-революционеров есть мысли, вернее — одна мысль, способная вызвать резкие возражения со стороны русских социал-демократов: мы имеем в виду замечание о том, что современная нам сельская община может облегчить работу революционеров в деревне,

«т. к. всякие союзы и организации, на какой бы почве они ни возникали, создают известную общность интересов тех групп населения, которые входят в их состав, и следовательно, представляют благоприятные условия для воздействия на эти группы».

Это, во-первых, очень не ясно; а во-вторых, это противоречит всему тому, что говорит «Манифест» о положении современной русской деревни. В самом деле, авторы «Манифеста» сами указывают на то, что крестьянство распалось теперь на три группы: 1) сельский пролетариат, 2) мелкую сельскую буржуазию, «систематически эксплуатирующую в своем хозяйстве наемный труд», и 3) малоземельное крестьянство. Мы вполне согласны с тем, что «политические и правовые интересы» этого последнего слоя «вполне совпадают (как это говорит «Манифест» и как это говорила гр. «О. Т.») с политическими и правовыми интересами пролетариата», но

взяточником Высоцким. Вскоре после арестов 12 января он призывает одного ученика, у родителей которого жил один из арестованных, и учиняет форменный допрос: кто бывал у арестованного, как фамилии их и т. д. Растерявшийся ученик рассказал все, что знал. Конечно, обо всем этом директором немедленно было доложено кому следует. Были и еще подобные случаи.

Не лучше и инспектор мужской гимназии Красовский. Вот какую речь произнес он по поводу смерти купца Носкова, отца арестованного гимназиста Носкова. «Сегодня скончался именитый гражданин гор. Ярославля А. В. Носков. Виновниками его смерти являются его сынки, которые своим преступным поведением преждевременно свели его в могилу». Закончил инспектор свою речь евангельским изречением: «Дети, любите своих родителей!»

Другие учителя помогают полиции, воспитывая своих учениц по домострою. Учитель женской гимназии Первухин, преподающий там словесность, произнес напутственную речь в 7 классе. «В своем преподавании я всегда старался выдвинуть на первый план женский вопрос (который он излагал по домострою), знакомить вас с идеалом женщины, который рельефно обрисован в сочинениях Победоносцева».

Не дремлют у нас и попы, эти первые и самые верные слуги царско-полицейской политики. Вот несколько фактов.

На панихиде по Боголепове священник старался доказать ученицам женской гимназии, что убийство это — дело личной мести, так как Карпович дважды был уволен из университета. Перед общественным долгом личные счеты должны смолкнуть, — окончил свою речь служитель бога, не стесняющийся бесстыдно клеветать на юношу-героя.

На репетиции закона божьего в женской гимназии священник спрашивал ученицу: «Кто у нас еретик?». Ученица молчит. Священник ругается: «На экзамене должны сказать — Лев Толстой».

На страстной неделе священник ярославской мужской гимназии исповедывал ученика 4—5 класса. В числе вопросов, предложенных гимназисту, был и такой: «Не читал ли ты нелегальных книг?» — «Читал!» — «От кого получал?» — «От такого-то». — «Не давал ли кому-ни-

мы не можем понять, какую «общность интересов» создает община между сельской буржуазией, эксплуатирующей сельский пролетариат, и пролетариатом, составляющим объект ее эксплуатации. В этом пункте соц.-революционеры мыслят еще очень неясно; тут они еще не свели концов с концами; но и тут нельзя говорить, что они «поворачивают» к принципам Народной Воли. Нет, вернее будет сказать, что в этом месте заметно влияние на них народничества, не замечавшего расщепления деревенской массы.

Но за исключением одного этого места, весь остальной «Манифест» представляет собою изложение принципов русской социал-демократии, и мы не понимаем, как могли его авторы не догадаться об этом или найти нужным скрывать это. Может быть, их ввели в заблуждение те социал-демократические недоросли, которые отрицали политическую борьбу и видели ненавистное им народовольство во всяком нападении на самодержавие? Но, чтобы судить о русской социал-демократии, надо иметь в виду взрослых и серьезных ее представителей. А эти последние давно уже рекомендуют русским социалистам ту самую программу действий, к которой «поворачивают» теперь авторы «Манифеста». Соц.-революционеры представляют собою плоть от плоти и кость от костей русских социал-демократов. Вот почему им надо соединиться с ними, а не «поворачивать» от них в сторону во всех отношениях почтенной, но уже без-

будь?» — «Давал». — «Читать самому грех еще не большой, а вот другим-то давать не годится», — закончил свою исповедь батюшка. На следующий день он доложил обо всем директору; последний вызвал всех на допрос. Финал неизвестен.

Учительница Сиротского дома исповедывалась в сиротской домово́й церкви у законоучителя женской гимназии. Как она смотрит на религию и читала ли Толстого, спросил ее священник. — «Читала, и по-моему он верно смотрит на религию», отвечала она. На следующий день учительница явилась вместе со своим классом к причастию. Поп, увидя ее, подозвал к себе и сказал: «Я еще не кончил вчерашнего разговора; после беседы я вас причащу». Учительница ушла и заперлась в своей комнате. По окончании причастия священник велел позвать ее, но она отказалась выйти. Тогда он сам направился к ней со св. дарами, но она и ему не открыла дверей. Начальница сделала строгий выговор учительнице за ее убеждения (священник ей все рассказал). Учительница же послала жалобу к архиерею на попа за разглашение им исповедной тайны. Что было там, неизвестно, только через две недели получился приказ от архиерея причастить ее. А губернатор, который раньше хотел ее уволить, прислал начальнице бумагу, что ее можно оставить и что история эта пусть останется между ними.

И к этим педагогам-сыщикам, педагогам-доносчикам обращается теперь правительство с лицемерными фразами о «сердечном попечении»! В атмосфере полицейского всевластия «сердечное попечение» может быть только полицейским чтением в сердцах.

Крамola во Владимире-на-Клязьме. Эти два понятия как-то плохо вяжутся между собой. Как, в этом захолустном чиновничьем городе, в этом мертвом царстве мещанского застоя и обывательской забитости... и вдруг «крамola». А между тем «крамola» была, ее отыскали не так давно и искоренили верные слуги престола царева, опричники. Крамольники — местные земские статистики,

возвратно отжившей революционной старины. Или они боятся, соединившись с нами, «изменить знамени»? Но наше знамя есть красное знамя революционного пролетариата всех цивилизованных стран, и стать под него не значит изменить славной памяти погибших русских революционеров. Совершенно наоборот, тот, кто сражается теперь в России под этим знаменем, продолжает то, что было существенного в работе этих героических борцов, отказываясь только от их ошибок, вызванных условиями места и времени. Неужели соц.-революционеры думают, что они нравственно обязаны называться как Перовская и Желябов в такое время, когда Перовская и Желябов, наверное, назвались бы иначе*?

[Г. Плеханов]

* Говорим: называться, потому что думают соц.-революционеры по-нынешнему, т. е. как социал-демократы. А с другой стороны, даже и назвать себя народолюбцами социалисты-революционеры не решаются, но в таком случае их речь о «повороте» в сторону народолюбства утрачивает последнюю тень смысла.

а крамola их заключается в посылке демонстративной телеграммы петербургскому статистике Анненскому. Давно уже косились на статистиков губернатора и другие власти имущие. Нюх у них, что ли, такой! Но давно уже эти туземные «звездочеты» поставили земскую статистику под знак неблагонадежности. Земской статистики у нас вообще не любят. Не любит ее правительство, как не любит оно всего, что есть на Руси честного, независимого; не с руки оно и капиталистам — всем этим Саввам и Викулам Морозовым, потому что она вскрывает и выводит на свет божий все их плутни и обирание рабочего люда, — не любят еще и потому, что статистика связана с оценкой фабрик и заводов, а эта оценка — больное место наших Кит Китычей. Не даром во время последней сессии они все силы прилагали, чтобы избавиться от земской оценки. Удары один за другим сыпались на статистику в форме постоянных неутверждений губернатором статистиков, в выжимании неприятных его превосходительству лиц и проч. и проч. Все это были лишь мелкие стычки, мелкие уколы перед решительными действиями. Местная администрация ждала только случая — и случай пришел: как ни убог наш город, а и к нам долетели вести из Питера о знаменитой мартовской бойне в Петербурге, долетела весть о том, что в числе пострадавших оказался один из старейших земских статистиков — Анненский. Тотчас же была составлена и послана телеграмма с выражением ему сочувствия не только как известному статистике, но и борцу за свободу. Подписались 16 статистиков. Копия была доставлена начальником телеграфного отдела губернатору. Демонстративное содержание и тон телеграммы ясны и очевидны, и не требуется дальнейших доказательств, что крамola свила себе прочное гнездо во вверенной губернии... Так или приблизительно так должен был подумать губернатор. Решено принять быстрые и решительные меры для искоренения очага заразы. Решено действовать быстро, без послаблений, согласно последней инструкции шефа всероссийской опричины, Сипягина. «В тюрьму их, я покажу им телеграммы!» — взревел помпадур. Кто-то из свиты его осмелился робко заявить, что, во-первых, надо справиться, есть ли в тюрьме свободные места, а, во-вторых, это произведет слишком сильную сенсацию в городе. Кончилось тем, что губернатор потребовал от управы немедленного увольнения «крамольников». Сказано, сделано. Управа покорно преклонилась перед губернаторской волей и уволила всех статистиков — всего 16 чел. Быстрота и натиск, достойные Александра Македонского, но только зачем же стулья ломать? По странной иронии судьбы, — всякий раз, когда правительство и его прихвостни пытаются сплеча разрубить гордиев узел, они не только не разрубают узла, но еще больше запутывают его. Так и в данном случае. Губернаторский «локаут» превратился в стачку. Увольнение 16 статистиков привело к фактическому закрытию бюро... счетчики остались без руководителей и не могут работать. Паша сгоряча не сообразил этого. Он, видимо, не думал, что увольнение 16 статистиков повлечет за собою закрытие всей статистики; счетчики, с уходом статистиков, тоже разбрелись, некому работать, бюро стоит. А ведь оставлена оценка земли по всей губернии, на эту работу ушло много денег из земского сундука. Положение земской управы не из завидных; все попытки пригласить иногородних статистиков терпели полное фиаско и повсюду следуют категорические отказы служить в земстве, которое не умеет отстаивать интересы своих служащих. По всей статистике раздался клич: товарищи, не идите во Владимирское земство! Клич делает свое дело. Управу это не на шутку тревожит: работы лежат неоконченными, материалы гниют в архиве, а в перспективе земское собрание, которое того и гляди потребует отчета о состоянии оценочных работ, о причине увольнения статистиков. Неудобство такого положения понял и паша. Закопошилась жандармерия с полковником Злобиным во главе и выступила в роли... посредника между уволенными и губернатором. Жандарм явился на квартиры к некоторым статистикам и предлагал им снова подать прошение о поступлении на службу в бюро. Миссия эта потерпела полное фиаско. Статистики категорически отказались от этой новой милости. Потерпев неудачу в попытке склонить

«забастовщиков» к примирению, жандармерия поняла, что она уклонилась от исполнения своего истинного и настоящего дела и попыталась создать «дело» о телеграмме. Начались допросы и вызовы в жандармское управление. Кроткими увещаниями и грубыми запугиваниями пытались они выудить зачинщиков и инициаторов телеграммы. На помощь полиции и жандармерии в ее «плодотворной деятельности» явился — как это всегда бывает в провинции — обыватель-доброволец. «Столп» туземного либерализма, Георгий Александрович Смирнов — член управы. Этот господин, по предложению губернатора, отбирал у уволенных их автографы для сличения их с рукой телеграммы, но и в этом все стремления жандармерии потерпели крушение, и отыскать инициаторов не удалось. Какая же из всего этого мораль? Для кого, читатель? Для земства — это вразумительный урок необходимости самой настойчивой и упорной борьбы с административным вмешательством, хотя бы уже по одному тому, что такое вмешательство очень и очень отзывается на карманах земских плательщиков. Для правительства — это лишняя иллюстрация его бессилия даже тогда, когда оно побеждает. А статистикам лишний раз приходится убедиться, что вне революционной борьбы в рядах борющегося за свободу рабочего люда нет и не может быть успешной борьбы. Идите же, товарищи, в эти ряды от «демонстративных телеграмм» к более активным действиям. Ваши же собственные интересы — интересы свободы — властно требуют этого. Идите же. Вы не будете раскаиваться.

Ни жний - Новгород. Приводим дополнительные сведения о тех событиях в Н.-Н., которые изложены вкратце в последнем номере «Искры».

7 апреля в Н.-Новгороде в помещении Всесословного клуба в 12 час. дня состоялось совещание учащейся молодежи с представителями местного общества. Присутствовали лица, занимающие видные должности на государственной и общественной службе, литераторы, представители адвокатуры, врачи, педагоги. Предметом совещания была уличная демонстрация, назначенная на 8 апреля. Вступительной речью председателя вопрос был поставлен так: участники протеста против официально признанного теперь ненормальным положения остаются уволенными, высланными, отданными в солдаты; как может местное студенчество и сочувствующая ему часть общества реагировать на этот факт? В начале заседания ораторы из студентов настаивали на устройстве демонстрации, но было предложено и другое средство: подача петиции. Представители общества, признавая подачу петиции уместной и необходимой, высказывались против уличной демонстрации. Указывая на высказанную представителями общества готовность активно выступить в защиту студенчества, многие из студентов стали высказываться за отказ от демонстрации 8 апреля.

Вопрос о петиции был поставлен так: возможна ли петиция и согласны ли присутствующие содействовать успеху ее? Единогласно вопрос был решен в положительном смысле. После этого баллотировка вопроса о демонстрации дала следующие результаты: представители общества: за демонстрацию — 19 гол., против — 53 гол.; учащиеся: за демонстрацию — 30 гол., против — 50 гол.

Единогласно была принята следующая формулировка постановления студентов: «Ожидая от нижегородского общества обещанных нам сегодня активных шагов для достижения главной цели, за которую борются в настоящее время студенты, т. е. полной амнистии всех пострадавших в студенческом движении, мы отказываемся от решения устроить демонстрацию 8 апреля».

После взаимного выражения благодарности, закрывая собрание, председатель высказал пожелание: «Чтобы это первое в России свободное собрание отцов и детей было не последним!...»

Заседание было закрыто в 2 ч. 45 м.

Приводим текст петиции.

ПЕТИЦИЯ МИНИСТРУ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ.

Ваше высокопревосходительство!

Знаменательные слова высочайшего рескрипта, коим вы призваны на трудный пост министра народного просвещения, разнесшие по России радостную весть о предположенном коренном пересмотре и исправлении учебного строя, громко призывают русское общество в лице родителей и семей помочь успеху давно и горячо желанной обществом реформы. Слова эти, успокаивая сердца и умы, измученные и смятенные трагическими событиями в жизни учащейся молодежи, в то же время устанавливают грустный факт ненормальности строя академической жизни в стране, и, таким образом, просто и верно объясняют причину тех массовых волнений, которые с роковой последовательностью все чаще и чаще возникают в среде нашего юношества. Вполне объяснимые несовершенством нашего учебного строя, волнения эти властно охватывают учащуюся молодежь и заставляют ее тратить энергию, столь дорогую и так необходимую отечеству, на противодействие тем условиям, которые возбуждают всеобщее недовольство и препятствуют им прилежно учиться и работать для блага родины. Во главе студенческих движений становятся наиболее даровитые и энергичные из наших детей, именно те, из которых, — при условии устранения ненормальностей учебного строя, — выработались бы богатые знаниями и сильные духом деятели, выражаясь словами высочайшего «рескрипта», «твердая и верная надежда отечества и стойкая опора его в будущем».

Это именно та молодежь, которая всегда так героически просто, с таким самозабвением идет на борьбу с голодом, эпидемиями, невежеством и неправдой; это те пионеры культуры, которые, окончив курс наук, уходят в глухие углы нашей земли, долгие годы одиноко работают там, внося в глухую и невежественную жизнь сел и деревень свет знания и безропотно умирают на своих постах; это наши доктора, судьи, учителя, земские деятели, чиновники, адвокаты, люди, от которых наша страна в праве ждать плодотворной деятельности на почве культуры и которые вполне способны оправдать надежды, возлагаемые на них обществом и государством. Участие в волнениях повлекло для множества подобных людей более или менее тяжелые кары, иногда на всю жизнь прекращающие для них доступ к образованию; таким образом, общество и государство навсегда лишаются услуг этих в высокой степени полезных деятелей. За последние годы Россия лишилась множества молодых сил, частью отданных в солдаты на основании «временных правил», частью исключенных из высших учебных заведений без права поступления навсегда, или на определенные сроки, частью подвергнутых административным взысканиям и лишенных стипендий, пособий к продолжению образования. Эти печальные факты не могут не отразиться в русской жизни оскудением в ней честных, искренне преданных делу жизни образованных работников.

Страна наша не настолько богата людьми, чтобы можно было без ущерба для интересов ее жертвовать сотнями молодежи ради охранения того строя, который ныне с высоты престола признан ненормальным и подлежащим коренному изменению.

Горячая любовь к родине, искреннее наше желание счастья ей, наше глубокое убеждение в ее великом будущем внушают нам смелость обратиться к вашему высокопревосходительству с почтительнейшим ходатайством повергнуть к стопам его величества государя императора горячую просьбу — даровать полную амнистию всем лицам, так или иначе причастным к печальным событиям, происходившим за последние годы в среде учащейся молодежи.

Этот факт величайшей государственной мудрости, как проявление забот его величества о благе родины и счастья русского народа, положит конец одному из самых печальных явлений в русской жизни, умиротворит юные, увлекающиеся, но наиболее отзывчивые сердца, смягчит великую скорбь родителей о погибших детях и непременно будет вписан на лучших страницах русской исторической летописи.

Таковы полные данные о проявлении протеста в нижегородском обществе. Не можем не добавить, с своей стороны, что председатель был совершенно не прав, назвав в заключительной речи это собрание «свободным». Во-первых, как мы уже указали в № 4 «Искры», сметливая администрация разрешила сходку именно ради того, чтобы оттянуть (а, может быть, и провалить) решение устроить демонстрацию. Во-вторых, состав собрания был явно не свободен, а искусственен, ибо преобладали лица, занимающие, — употребляя характерное полицейское выражение, — «определенное общественное положение». С которых это пор «свободным» называется собрание, подстроенное администрацией для того, чтобы голоса крайние были подавлены голосами приглашенных умеренных? Русские либералы искони отличаются талантливой способностью принимать за чистую монету иезуитские фразы и мошеннические ухищрения русского правительства, но мы отнюдь не намерены поддерживать такие иллюзии. Россия дожила, слава богу, до такого времени, когда свободной может быть названа только открытая народная сходка, собранная не по разрешению и не по расчету полиции, доступная для всякого желающего. А на такой сходке раздался бы всегда и голос сознательных рабочих, не так доверчиво относящихся к правительству.

Полицейский набег на литературу. Правительственный застенок дошел до пароксизма давно невиданного бешенства: он рвет и мечет и творит расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами и учеными, над известными либеральными земцами, и творит ее так, как будто бы имел перед собой страшных «потрясателей основ», заправских опасных людей. Он мелочно мстит тем людям, которые не остались безучастными зрителями приснопамятной мартовской бойни и в трудный общественный момент возвысил свой голос протеста.

В прошлом номере «Искры» мы уже указывали на повальные обыски 18 апреля, на полицейские набеги на редакции «Жизни» и «Мира Божьего». Сейчас нам приходится пополнить мартиролог литературы следующими данными: один из редакторов «Жизни», В. А. Поссе, редактор-издатель того же журнала, земский деятель М. С. Ермолаев и сотрудник «Жизни» прис. пов. А. А. Никон, высылаются на три года под гласный надзор с воспрещением жительства в 25 губерниях и частях губерний. На таких же условиях высылаются на два года: секретарь Вольно-Экономического Общества Кулябко-Корецкий (у него даже не производилось обыска), известный тверской земец, прис. пов. Ф. И. Родичев (был в числе тверской депутации 1895 г. и вместе с Головачевым не был принят Николаем II), весьма популярный профессор анатомии, директор курсов и основатель биологического института в Петербурге П. Ф. Лесгафт, статистик Караваев, муж и жена Муриновы (он — литератор, она — имела книжный склад в Москве, закрытый по распоряжению правительства), М. Гурович, и, наконец, Бальмонт, известный переводчик Шелли и один из главных представителей так называемой «декадентской поэзии». Той же каре еще раньше подверглись П. Струве и М. Туган-Барановский; профессора Миллюков и Мякотин, а также М. Горький еще сидят.

Читая этот список, приходится воскликнуть: велика, должно быть, злобствующая растерянность русского правительства, если оно не останавливается перед такими мерами! Без суда, даже без обычной административно-судебной процедуры, ускоренным порядком, соблюдая лишь быстроту и натиск, оно вышвыривает людей из привычной им обстановки, не считаясь ни с чем и не внемля ничему. Пусть оно продолжает в том же духе: кто сеет ветер, пожнет непременно бурю!

Секретный документ. Обращаем внимание читателей на появившуюся у Дитца в Штуттгарте записку Витте, напечатанную «Зарей». Направленная против проекта

бывшего мин. вн. дел Горемыкина о введении земств в неземских губерниях, «Записка» интересна как документ, бесстыдно разоблачающий сокровеннейшие вожелания наших правителей. Мы надеемся подробно поговорить в ближайшем номере нашей газеты об этом замечательном документе, равно как и о предисловии к нему г. Н. Р. С.³. Это предисловие, обнаруживая в его авторе понимание политического значения русского рабочего движения, во всех остальных отношениях отличается обычной, характерной для наших либералов незрелостью политической мысли.

Побег И. Пильсудского. Среди печальных известий о новых и новых насилиях жандармов, особенно радостное чувство вызывает такой необычайный факт удачи революционеров, каким является побег товарища Пильсудского из предварительного заключения в больнице Николая Чудотворца в СПб.

Тов. Иосиф Пильсудский пробыл пять лет в Якутской обл., куда был административно сослан в связи с делом 1 марта 1887 г., в числе активных участников которого был его брат Бронислав, сосланный на каторгу на Сахалин. Вернувшись из ссылки, Иосиф Пильсудский примкнул к Польской Соц. Партии и перешел на нелегальное положение. В конце 1899 г. Пильсудский вместе с тремя другими лицами был арестован в Лодзи в тайной типографии «Работника», редактором которой он состоял. Несколькими месяцами назад Пильсудский был переведен в петербургскую больницу Николая Чудотворца на испытание, как душевно-больной. В ту же больницу поступил вскоре Мазуркевич, «доктор» из Варшавы, который и «увез» мнимобольного из-под заключения. По сведениям иностранных газет, Пильсудский и «доктор» уже прибыли в Лондон.

Поздравляем Польскую Социалистическую Партию с удачным исходом этого мастерского удара царскому правительству, напоминающего самые блестящие страницы героического прошлого нашего революционного движения⁴.

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ И ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Ярославль. Стачка фармацевтов. Движение рабочих за улучшение своего положения с фабрик и заводов начинает переходить в более культурную среду. Я хочу поговорить о движении фармацевтов. Всем известны условия работы этих тружеников: 12—14 часов работы в день, не считая дежурств по ночам по очереди (правда, им дается один день в неделю свободный), плохая пища (едят и пьют тут же наскоро, во время работы), плохие жилищные условия, грубое обращение хозяев, низкая заработная плата (ученики 15 руб., помощники провизора 30—45 руб., что при требовании хорошо одеваться далеко не достаточно). Уже давно бродило недовольство среди фармацевтов, но последнему не придавалось никакого значения. 25 марта 1901 г. фармацевты аптеки Фишер (бывш. Шнейдер), будучи недовольны завтраком, обратились к хозяину с просьбой улучшить им пищу, жилище, переменить с ними грубое обращение (об уменьшении рабочего дня они не упоминали, опасаясь, что их заявление будет принято за стачку). В ответ на их просьбу Фишер через одного из фармацевтов строго заявил, что завтрак их считает хорошим и что, если они недовольны им, то могут уходить. Тогда 14 человек, каждый в отдельности, заявили Фишеру, что они отработают, согласно закону, две недели и потом уйдут. Хозяин принял заявление служащих и в продолжение 4—5 дней не разговаривал с ними. Затем фармацевты заявили Фишеру, что, так как они со службы от него ушли, то могут поступить к нему только на новых условиях (две смены по семи часов, столовые

деньги). Фишер, не желая уступать, стал искать служащих, но тщетно. В Москве, куда он ездил за фармацевтами, возникло аналогичное движение. Конечно, никто не согласился ехать к аптекарю-эксплуататору. Истекал двухнедельный срок. Фишер метался, не зная что делать. Настало воскресенье 8 апреля, последний день срока. Фармацевты заявили, что со следующего дня они не будут работать. Положение принцепала было критическое. Г. Фишер (а также и его супруга) прибегал к разным средствам, чтобы фармацевты отказались от своих требований. Он угрожал им полицией, арестами, указывая на Москву, где за движение среди фармацевтов было арестовано 16 чел. и т. п. Наконец, он привлек на свою сторону «достойного собрата», врачебного инспектора Буховцева. Последний 9 апреля отправил в аптеку Фишера частного пристава от губернского правления с предписанием фармацевтам немедленно приступить к работе. Те, конечно, отказались, так как силою их никто не мог заставить работать в аптеке Фишера. Частный пристав составил протокол, почему фармацевты отказались работать. Причины ухода были выставлены следующие: скверная пища, тесное помещение и грубое обращение. Впоследствии протокол куда-то исчез. Фишеру ничего не оставалось, как уступить. Таким образом, фармацевты не только добились улучшения пищи и жилища, но даже сокращения рабочего дня наполовину: вместо 14 час., они будут работать лишь 7 час. в две смены (первая смена от 8 час. утра до 3 час., вторая — от 3 час. до 10 веч.). Привет вам, товарищи! В добрый час! Помните только о своей солидарности со всем трудящимся людом.

ПЕРВОЕ МАЯ В РОССИИ.

Петербург. Празднование маевки послужило здесь поводом к двум крупным столкновениям рабочих с вооруженной силой. Первого мая (по русскому стилю) забастовали рабочие Выборгской стороны (как говорят, на всех фабриках). 4 мая рабочие нескольких фабрик направились в город с целью устроить демонстрацию. У Сампсониевского моста им заградила дорогу конная и пешая полиция. Рабочие пустили в ход ножи и камни. Бой длился несколько часов. В результате, как нам пишут, до 70 раненых с обеих сторон, есть и убитые; несколько сот человек арестовано. Приводим письмо одной работницы, написанное под свежим впечатлением только что случившегося. Автор пишет знакомому интеллигенту, сообщая о смерти товарища В. Из письма видно, какое тяжелое впечатление произвело на рабочих отсутствие в критический момент социал-демократических организаций, разгромленных апрельскими погромами. Отсюда — необходимость для рабочих «самим решать», самим брать на себя ответственность за такой шаг, как попытка продемонстрировать: отсюда и раздражение против «интеллигентов», которые, будучи или высланы (как товарищ, которому письмо адресовано) или арестованы (как товарищ А.), не могли прийти на помощь рабочим в майские дни. Автор, конечно, чувствует, что соц.-демократические организации неповинны в том, что к надлежащему моменту они были разбиты, но думается нам, за несправедливыми упреками его письма встает справедливый вопрос: почему петербургские товарищи так долго откладывали рабочую демонстрацию и, вместо того, чтобы со всей энергией действовать в марте, оттянули дело до мая, дав возможность полиции собраться с силами и нанести петербургскому пролетариату предварительное поражение разгромом его организованного авангарда?

Вот это письмо:

«Не примите мое письмо за малодушие, я очень измучилась и не знаю, что делать... Вы, наверное, знаете, что у нас был бунт, и что В. нет больше. Я не видела его с 29-го, и он говорил мне тогда, что, вероятно, первого у них работать не будут. Я как услышала, что на Выборгской битва, бросила работу, побежала туда, к мосту пройти нельзя было: женщины сами рабочие не пускали, я стала ждать В. на квартире, а он больше не приходил. Я уж справлялась в казарме о нем, ничего не говорят, в Охран-

ке тоже... или убили его или ранили до смерти... Другие говорили, что видели, как он был впереди, это он крикнул: „Да здравствует революция!“ и как потом упал. Полиция не ушла, пока все не отступили, и кто не мог встать, подбирали сами.

«Вы не знаете, как мне обидно, и это одинаково всем нам, всем очень хотелось пройтись на Невский или в город, уж очень горько умирать, как собакам, в угле, чтобы никто не видал даже, это, верно, такая доля у рабочих, чтобы умирать не на людях: верно, и красной смерти для них жалко. А еще обидно то, что всю зиму к нам ходили и из-за нас спорили, а как раз теперь никого не оказалось. Вы уехали, А. нет, и никого нет вместо него. В. все говорил, что им самим нужно решать, и что это страшно, а умирать не страшно! И мне все думается, может, если кто из вас был, все было бы не так, вы бы по-другому решили, и В. жив бы был. И мне все думается, когда В. и другие умирали, вы приятно проводили время, а к А. жена пришла или еще что-нибудь. Я знаю, вы не виноваты, это просто кому не везет, только посудите сами, ведь, обидно...

«Вот что еще я хотела сказать вам: хоть и очень многих у нас взяли, может, их нет больше совсем, а все-таки мы твердо стоять будем. Вы не смотрите, что за работу взялись, теперь такое время, что на бросании работы никто стоять не будет: теперь всем нужно больше, всем на улице хочется. Б. (уцелевший рабочий) говорил, что жаль, что знамени у них не было. Другой раз и знамя будет и пистолетов достанут: на камнях да ножах далеко не уедешь, как начнут штыками колоть.

«Я думаю, что лучше ничего бы не было, и мне за это стыдно: вот я и помянула про малодушие. Не сердитесь за мои жестокие слова, это мое горе говорит, а я хорошо понимаю, что это все к лучшему, и другим говорю, и многие у нас думают, что это уж к концу идет, только мне не верится: уж очень скоро. Б. говорит, что другой раз еще лучше все будет, и только бранится, что листов нет и что никто не приходит — он уж даже сам листок сочинил. Я думаю, вы не рассердитесь, что я все написала, ведь, вы сами сказали, чтоб писать, когда очень трудно станет, или когда не справлюсь, а уже труднее нынешнего не придумаешь».

* * *

На Обуховском (казенном) заводе 1 мая на работу не вышло 300 человек. Начальство завода стало увольнять этих «преступников» группами по 10 чел. К 7 мая уволенных набралось 70 чел. Рабочие просили начальство об обратном приеме уволенных и о некоторых улучшениях условий труда. Когда начальство ответило отказом, рабочие остановили машины и в количестве 3.600 чел. высыпали на Шлиссельбургский тракт. Дальнейшие подробности известны из полицейского сообщения. Полиция своим вызывающим поведением привела к форменной битве, в которой рабочие проявили поразительную стойкость и мужество. Как нам сообщают, убито 6 рабочих. Убитых и арестованных ночью отвезли в город на пароходе. После бойни начальник завода пригласил депутацию от рабочих для переговоров.

Харьков. 1 мая весь день было спокойно. Вечером в 9½ час. в университетском саду собралась кучка молодежи, человек 30 рабочих и столько же девиц и студентов. Пели «Дубинушку», «Волю» и т. д., затем кричали: «8-часовой рабочий день! Да здравствует 1 мая! Долой самодержавие!». Кто-то предложил выйти на Сумскую — пошли. Прошли всю Сумскую вниз до площади. Обе стороны по тротуарам были заняты массой любопытных, которые шествовали за передовой кучкой, тщательно избегая быть на одной стороне с ними. Прошли мимо театра, где, конечно, полиция обратила внимание. Сейчас было дано знать, и как только дошли до площади и постояли там с четверть часа, пропев еще раз «Дубинушку» и «Волю» и прокричав: «Долой царя, долой самодержавие», как появилась полиция. Полициймейстер задышающимся го-

лосом бормотал: «Разойдитесь, господа, разойдитесь», размахивая при этом довольно деликатно рукой. Околоточные убеждали публику разойтись, говоря, что из всего этого не выйдет ничего хорошего. Публика вняла их мольбам и частью разбрелась, частью пошла назад. Полиция ее провожала, не давая ей останавливаться. Когда шли назад, университетский сад был закрыт. К 11 часам на Николаевской площади показались войска, а по Сумской проехали казаки.

Во время инцидента на площади один из приставов злорадно торжествующим тоном сказал: «Господа интеллигенция, да разойдитесь же, ведь, тут рабочих-то всего 20 человек».

В рабочих кварталах демонстрации не было.

Прокламация Киевского Комитета Партии сообщает о том, что 1 мая тысячи киевских рабочих бросили работу. Демонстрации Киевский Комитет не назначал. Тем не менее, 6 мая киевские рабочие пытались устроить противоправительственную демонстрацию, при чем подверглись полицейскому избиению. Протестуя против последнего, Киевский Комитет в то же время отзывается о демонстрантах, как о «рабочих, не принадлежащих к братской семье рабочих всего мира или не вполне сознавших свои интересы» и что «членов Рабочей Партии среди них почти не было». Не зная о том, кто были инициаторами демонстрации 6 мая, мы все же должны заметить, что при современном дроблении русских социал-демократических сил, более чем неуместно всех, не принадлежащих к комитетам нашей партии, ставить «вне братской семьи рабочих всего мира».

В дополнение к тому, что передано в правительственном сообщении о демонстрации в Тифлисе, сообщают, что, кроме толпы на базарной площади, другая, в тысячу человек, собралась на проспекте и пыталась соединиться с первой, но неудачно. «Красный значек», о котором говорится в правительственном сообщении о демонстрации на базарной площади, был красным знаменем с портретами Маркса, Энгельса и Либкнехта и с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Знамя красовалось около 15—20 минут.

Иваново-Вознесенск. 18 апреля были распространены: листки местного комитета с описанием праздника первого мая и требованием восьмичасового рабочего дня и политической свободы, общий листок Российской Социал-Демократической Партии, и, кроме того, другие майские брошюры. Публика (рабочие) принимает все это с большим интересом. Настроение возбужденное, масса спору, особенно по вопросу о самодержавии. Очень многие (чуть не большинство) согласны с прокламациями. Первого мая (русского) предполагали повторить, но не были доставлены обещанные общероссийские листки, а доставленные в большом количестве листки узко-экономического характера, приготовленные для нашего города за нашей подписью с требованием девятичасового рабочего дня и суда присяжных над стачечниками, мы принуждены были уничтожить, как не удовлетворяющие наш комитет своим содержанием. Газета «Искра» распространяется и нравится рабочим, почему наша касса решила четверть своих доходов отдавать на «Искру». Первого мая на одной (самой крупной) фабрике рабочие собирались было бросить работу и прогуляться, но сильно помешало этому присутствие в большом количестве вооруженных ружьями казаков.

От Социал-Демократической Партии в Польше и Литве нами получено следующее сообщение: Варшава. В этом году перед первым мая здешняя администрация под влиянием русских волнений в марте

была усерднее, чем всегда. Начиная с февраля, по несколько раз в неделю происходили аресты и обыски. Чтобы больше запугать массы, еще в начале февраля исполняющий должность ген.-губернатора Подгородников распространяет объявление во всем Царстве Польском, запрещающее в нем уличные сходки и грозя участникам таковых трехмесячным тюремным заключением и денежным штрафом. Вскоре после этого появились прокламации Польского Комитета Социал-Демократической Партии в Польше и Литве, в которых рабочие призывались ответить на объявление Подгородникова торжественной майской демонстрацией и заняться подготовкой к ней. В вышедшем в марте «Рабочем Курьере» партия опять напоминает о первом мая. В свою очередь хлопочет и полиция. По ее настоянию уже за четыре недели до первого мая фабрики и мануфактуры, принимая рабочих, брали с них слово не участвовать в демонстрации. С 20 апреля дворники призывались в участки, где им объявлялось: если кто из дворников поймает человека, расклеивающего прокламации, то ему будет выдано 5 руб. награды. Если же на каком-нибудь доме будут найдены прокламации, то дворник платит 10 руб. штрафа и высылается из Варшавы. Несмотря на это, 26-го и 27 апреля в Варшаве и во всех больших городах Польши и Литвы были расклеены № 4 (майский) «Рабочего Обозрения» (всего 2.500 экз. во всем крае), воззвания администрации партии (всего 12 тыс.) и, кроме того, изданные Варшавским Комитетом приглашения на демонстрацию на Маршалковскую улицу около Венского вокзала в воскресенье вечером в пять час., 28 апреля (10.000) и — по распоряжению профессионального союза булочников — майские воззвания к булочникам (600 экз.). В воскресенье с утра Варшава приняла вид лагеря. В старом месте демонстрации, на Уздовских аллеях была масса казаков, но публики собралось немного. Около 12 час. по Маршалковской было заметно оживление. Около двух часов прошел полк пехоты с музыкой. Видно было, как по дворам прятались отряды казаков. Через каждые несколько домов стояла куча городских и околоточных. Вдоль улицы разезжали конные патрули. Около пяти часов в Иерусалимских аллеях стали собираться рабочие. В начале шестого можно было насчитать до 15 тыс. Полиция не разгоняла и не позволяла двигаться вперед. На пытавшихся идти вперед бросились выехавшие из дворов казаки с нагайками. В начале восьмого между частью демонстрантов, двинувшихся к Саксонскому саду, и полицией началась свалка. В это время большинство собравшихся, в числе около 12.000, воспользовавшись моментом, прорвали цепь и пошли вдоль по Маршалковской к Саксонскому саду, развернувшись и подняв красное знамя. Шествие было два раза прерываемо. Все же большинство дошло до Королевской улицы, где к ним присоединилась новая толпа рабочих; и здесь было поднято красное знамя и раздался возглас: «Да здравствует конституция!». В ответ на это, с Маршалковской и Королевской улиц послышалось оглушительное «ура». После этого рабочие стали расходиться. Арестовано лишь несколько десятков человек.

Лодзь переживает в настоящее время страшный кризис особенно в хлопчатобумажной промышленности; тысячи рабочих ходят без работы, другие ждут расчет. Настроение повсюду угнетенное. В виду этого Лодзинский Комитет С.-Д. Партии Царства Польского и Литвы, после продолжительных колебаний, решил устроить демонстрацию самого мирного характера, скорее, как говорили рабочие, репетицию майской демонстрации следующего года. Полиция, однако, как всегда, была настороже. Полицейстер Хржановский в течение месяца зазывал к себе дворников, делал им наставления, как они должны вести себя перед первым мая. В начале апреля появилось в городе несколько сотен казаков; их можно было встретить в большом количестве на каждой почти улице. Штат полиции был усилен. Несмотря на это, Лодзинскому Комитету удалось распространить уже 26 апреля майский номер «Рабочего Обозрения» и майские воззвания на польском и немецком языках. В день же 28-го (15-го) апреля в пять ча-

сов пополудни на главной улице — Петровской, — согласно уговору, сошлись слишком 30.000 рабочих. Полиция вела себя спокойно, но старалась вызвать скандал со стороны рабочих. Шпионы разыгрывали комедию, арестуя друг друга и полагая, что, таким образом, выведут рабочих из себя и побудят освобождать арестованных. Но собравшиеся рабочие мирно прогуливались по тротуарам и когда заметили, что приток рабочих уменьшился, а число полицейских и казаков прибывает и что процессии не удастся устроить без крупных жертв, стали расходиться, убежденные, что, если в этом году явилось 30.000, следующий год тем более удастся устроить демонстрацию, соответствующую размерам города.

Д о п о л н е н и е. Перед первым мая (по русскому календарю) дворникам были розданы нагайки и ремни, и казаки и полиция были наготове. Полиция всеми силами старалась спровоцировать рабочих около первого мая, желая произвести избиение, которое могло бы повести за собою реакцию на несколько лет, как это было в 1892 г. Но это не удалось, так как рабочие решили сохранить силы на будущий год.

К о в н о. До 1 мая (н. ст.) было распространено 1.200 прокламаций Польской Соц.-Дем. Партии на польском, литовском и немецком языках. 1 мая (н. ст.) близ здания мужской гимназии собралось около 600 польских и

еврейских рабочих, которые и прогуливались по улице несколько часов. Когда послышались крики: «Да здравствует конституция!», неподготовленная полиция начала очень миролюбиво успокаивать публику и просила расходиться. Гулянье продолжалось еще около часу: затем рабочие разошлись по домам. 12 мая (н. ст.) на улице арестованы были: банковский чиновник Ревковский и две портнихи: Пиотровская и Бялопиотровская. При арестованных найдено много прокламаций.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Южным отделом организации «Искры» получено: от «Всадника» 79 р.; М. Ком. за лит. 18 р.; М-вы от молод. 32 р.; то же 69 р. 75 коп.; Пет. Ком. за лит. 85 р.; от знакомой 5 р.; X—в от мол. 50 р.; М. З. 3 р.; провинции 7 р. 55 к.; С. и X. 10 р.; от юноши 7 р. Итого: 366 р. 30 коп.

Получено от «друзей-читателей» 41 р. 42 к.; «из волжской столицы» 10 р.; от Л. 40 р.

370 руб. от петербургского представителя «Искры» получены редакцией.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

П р и м. 1. Эта статья свидетельствует (вопреки ходячему мнению), что «Искра» не спешила встретить представителей нового народничества враждебно и не высказывала заранее недоверия к их революционности. Наоборот, она сделала сначала прямую попытку найти точки соприкосновения с этими возможными ее попутчиками. Только приблизительно через год, внимательно приглядевшись к физиономии эс-эров, «Искра» начинает войну с ними (первым в поход выступает в № 20 «Искры», тот же Плеханов — в статье «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи», но это выступление не имеет еще сногшибательного характера: оно еще очень мягко и осторожно).

П р и м. 2. На самом деле знаменитая Обуховская бойня имела более печальные последствия; убитых было 6 рабочих и 8 тяжело ранено. После военной расправы с рабочими началась судебная расправа: 37 человек были преданы суду, из них двое были приговорены к каторжным работам, 20 человек — к арестантским ротам и 7 — к тюремному заключению.

П р и м. 3. Н. Р. С., автор предисловия к записке Витте, — П. Б. Струве, еще в предыдущем (4-м) номере «Искры» выступает с чисто искровской фразеологией: «Что будет с самодержавием, когда перед ним... встанет во весь рост революционная социал-демократия и раздастся „железная поступь“ собравшихся по ее зову русских рабочих батальонов? Тогда, гг. земцы, бросьте и вы „мягкие“ речи и скажите приличествующее случаю резкое, твердое слово... Но времена быстро меняются, и уже в следующем (5-м) номере его ответственное предисловие к записке Витте квалифицируется как отличающееся «характерной для наших либералов незрелостью политической мысли».

П р и м. 4. Этот когда-то «тов. Иосиф Пильсудский» — тот самый Пильсудский, который поддерживает сейчас всеми доступными для него средствами нужный для польской буржуазии «порядок» в стране и помогает палачам расправляться с польским пролетариатом.